

Мр Митина Светлана Игоревна

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РИМА С
ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ:
ПРАВОВАЯ ПРАКТИКА**

UDK (37):(38]:34

Мр Митина Светлана Игоревна¹

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РИМА С ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ: ПРАВОВАЯ ПРАКТИКА

Вопрос о характере и значении взаимоотношений Рима с эллинистическими государствами, а так же об их правовой основе вплетается в контекст сразу двух проблем: эволюции римской практики международного общения в эллинистическую эпоху и природы правовых институтов, на основе которых это общение строилось.

Постепенное втягивание Рима, начиная с конца III в. до н.э., в орбиту восточносредиземноморской политики влекло за собой переосмысление роли, задач, средств и механизмов правового регулирования международного общения. Без слияния римского правопонимания с уже апробированной эллинистической схемой не сформировалась бы та правовая база, на которой покоился имперский порядок на протяжении нескольких веков.

Мотивы политики Рима в Восточном Средиземноморье, характер римского имперализма широко обсуждаются в современной исследовательской литературе.² И, хотя существуют разные подходы в оценках

¹ Кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Новгородского государственного университета.

² Хашов А. И. Проблема "Римского имперализма" во французском антиковедении. // Проблемы истории и историографии. Античность. Средние века: Межвузовский сборник. Уфа, 1990. С.86-91.

причин появления Рима в данном регионе, однако весь ход исторических событий, средства и методы римской дипломатии указывают на то, что сам термин "римский империализм" нашел закрепление в научной литературе не случайно. Правда, уже анализ принципов фециального права должен был бы свидетельствовать, что нет войны более приемлемой для римских богов, чем война оборонительная для самой страны или ее союзников. Но, указывая на это, Э. Бэдиан тут же замечает, что законы, как известно, лишены реального содержания.³ Римская философия в лице Стои, разработав теорию "справедливой экспансии"⁴, со своих позиций оправдала насильственное приобщение соседних народов к римской цивилизации. Таким образом можно все действия Рима на востоке объяснить и оправдать весьма гуманными целями и соображениями. Недаром М. Ростовцев считает, что условия мира, заключенного с Антиохом III, свидетельствуют о том, что Рим не имел тогда еще желания расширить свою территорию путем включения части Востока. Его задача ограничивалась предотвращением распространения любой восточной власти, которая может быть опасной ему.⁵ Последнее созвучно соображениям Полибия, полагавшего, что не следует давать какому-либо государству усилиться до такой степени, когда становится невозможным оспаривать его посягательство даже на общепризнанные права (*Polyb.* I, 83, 4-5).

В современной литературе существует две диаметрально противоположные точки зрения о характере римско-эллинистических влияний. С одной стороны, существует мнение, что изощренные правила поведения, которые развивались в дипломатии эллинистических городов и царей, не могли столь же легко применяться в отношениях с республиканским Римом.⁶ Означает ли это, что Рим был недосягаем для влияния эллинистической политической и правовой культуры или просто следует говорить о его избирательной позиции в отношении стиля международного общения? Ф. Ф. Мартенс, например, связывает усвоение римским обществом института гостеприимства со знакомством прежде всего с греческой культурой. С частного уровня этот институт трансформировался в государственный и получил санкцию в законе.⁷

³ Badian E. *Roman imperialism in the late republic*. Ithaca; New York, 1971. P. 11.

⁴ Чернышев Ю. Г. Теория "смешанной конституции" у Цицерона и система принципата // Древнее право. *Jus antiquum*. № 1. 1996. С. 96.

⁵ Rostovcev M. *A History of the Ancient World*. Oxford, 1927. Vol. II. P. 75.

⁶ Adcock F., Mosley D. J. *Diplomacy in ancient Greece*. London, 1975. P. 117.

⁷ Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Москва, 1996. Т. I. С. 52.

Надо полагать, что сфера действия закона о гостеприимстве определялась договорами Рима с народами, в дружбе которых он был заинтересован.

С другой стороны, встречаются указания на то, что Рим усвоил методы и терминологию эллинистической дипломатии.⁸ Однако взаимоотношения эллинистических государств с Римом дают немало примеров трансформации эллинистической правовой практики под влиянием Рима. Так, Полибий, явно нерасположенный к этолийцам, обвиняя их во всех смертных грехах, указывает, что те имели возможность обижать и грабить эллинов, пока блюстителями Эллады не стали римляне, и расхищать чужое добро больше не позволялось. (см.: Polyb. XXX. 11.).

Для эпохи эллинизма характерно состояние постоянных войн. Война породила эллинизм и фактически стала способом его существования. Этим можно объяснить рост влияния третейских судов в международных спорах. Обращает на себя внимание выбор посредников конфликтующими сторонами. Привлечение в качестве арбитров третьих государств было обычным делом при условии, что эти государства также эллинистические. Практика сложилась таким образом, что чаще всего "судьи" представляли тот регион, где разгорался конфликт и где враждующие рассчитывали закрепить свое влияние.⁹ Естественно, что необходимый для арбитра нейтралитет базировался в данном случае на незаинтересованности в усилении любой из сторон. И все участники отношений, в том числе и посредники, выступали в роли носителей чисто эллинского права. Такая ситуация сохранялась вплоть до появления в Восточном Средиземноморье Рима. Преимущество последнего заключалось во времени его появления на Востоке. В конце III - начале II вв. до н.э. рост напряжения межгосударственных отношений достиг такого уровня, какого не было со временем раздела империи Александра Великого. Восточное Средиземноморье представляло собой настоящий клубок противоречий, распрея, взаимных претензий. Главными претендентами на роль мирового арбитра выступали Филипп V Македонский и Антиох III Сирийский. Однако ни того, ни другого не желали видеть абсолютными носителями права остальные государства.

⁸ Штаерман Е.М. Эллинизм в Риме // Эллинизм: Восток и Запад / Отв. ред. Е.С.Голубцова. Москва, 1992. С. 155.

⁹ Бокшанин А. Г. История международных отношений и дипломатия в древнем мире. Москва, 1945. С. 49-50; Gruen E. S. The Hellenistic world and the coming of Rome. Vol. I. Berkeley etc., 1984. P. 97.

Поэтому появившийся с запада Рим казался меньшим злом и даже некой панацеей для наведения порядка. Одними из первых аппелировали к Риму Птолемеи. Надо заметить, что античные авторы всячески оправдывают действия египтян, фактически нарушивших границы действия эллинистического права (см.: Polyb. XV. 20. 1-3; Just. XXX. 2. 8). Птолемеи решились на подобное под страхом потерять свои владения в результате их раздела Сирией и Македонией. Правда, как замечает Е. С. Груэн, нет оснований полагать, что, например, птолемеевский двор, обращаясь за посреднической помощью к римскому сенату, собирался навсегда вверить ему судьбу государства.¹⁰ А именно этого добивались римляне, используя роль международного арбитра в своих экспансионистских целях.

Допустив Рим на свое правовое поле, эллинистические правители совершили политическую оплошность, которая впоследствии дорого им обошлась. Рим использовал это как зацепку для активного вмешательства в восточносредиземноморские дела, он действовал решительно и безапелляционно.

Жалобы от эллинистических государств на своих соплеменников буквально посыпались в римский сенат, который превратился в своеобразный арбитраж для эллинистических государств. Эвмен Пергамский жаловался на Филиппа V, завладевшего городами Фракийского побережья, Смирна и Лампсак - на действия Антиоха III (Syll. 4. 591; Polyb. 52. 2; Liv. XXXIII. 38; App. Syr. 2) и так далее.

Рим, взбодренный подобным вниманием, уверовал в свою миссию мирового арбитра. Он ломал старые правовые стереотипы, навязывал свои правила игры на правовом поле. Однако понятие правосудия по-римски было весьма своеобразным. Так, Полибий сообщает, что в Ахайе нашлось очень много граждан, которые навлекли на себя подозрение воздержанием от дел (имеется в виду, в пользу римлян), как люди, поджидавшие благоприятного момента и сочувствующие македонскому царю Персею. Однако никто не слышал от них ни единого слова, сказанного открыто против римлян, некто не уличил их в сношениях с Персеем, письменных, или через посредников, и они остались не уязвимы. По мнению автора, эти люди поступали правильно, когда не бежали от суда и следствия и испробовали все средства

¹⁰ Gruen E. S. Op. cit. Vol. II. P. 615.

защиты. (Polyb. XXX. 7. 5-8). Однако, как мы видим позже, это не помогло им избежать судебного преследования, ибо для римлян не только активное противодействие, но и бездействие в выражении покорности означало признаки преступления. Таким образом, Рим как бы предпринимал превентивные действия по профилактике возможных преступлений против распространения своей власти. Обвинение строилось на основе весьма сомнительных списков, составлявшихся по принципу личной неприязни соплеменниками несчастных. (Polyb. XXX. 13. 6-8).

Одним из наиболее ярких проявлений правового взаимодействия Рима с эллинистическим Востоком является практика заключения договоров. Из римских нам известны относящиеся, вероятно, к числу наиболее древних союзнические договоры, отличающиеся конкретностью, постоянством и сопровождаемые клятвами. Они подразделялись на *foedera aequa* и *foedera inaequa*¹¹, т.е. на равноправные и неравноправные.

Трудно сказать, сохранилось ли подобное деление договоров во время активизации римской политики в Восточном Средиземноморье. Если исходить из того, что договоры *aequa* чаще заключались с целью гарантий сторонам военной взаимопомощи, то именно к такой категории можно отнести ряд договоров с эллинистическими государствами и отдельными городами конца III - начала II вв. до н.э.

Как считает Р. К. Шерк, самым древним их сохранившимся оригинальным договором Рима и наиболее ранним документом о связях с греческим Востоком является договор с Этолийской Лигой 212 или 211 г. до н.э. Тот же самый автор отмечает, что договор не отражает желаний территориальной экспансии, а нацелен исключительно на ведение войны против Филиппа V.¹² Если это так, то в данном случае мы имеем как бы образец союзнического договора в чистом виде. Однако из источников известно, что переговоры с Этолийской лигой не просто затрагивали проблему союза. Некоторые нюансы недвусмысленно указывают на подспудно созревающие планы будущего имперского строительства. Ливий, например, упоминает обсуждение вопроса о возможности предоставления прав гражданства союзникам (Liv. XXVI,

¹¹ Бартшек М. Римское право (Понятия, термины, определения). Москва, 1989. С. 135; ср.: Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Москва, 1996. Т.1. С. 51.

¹² Rome and the Greek East to the death of Augustus / Ed. by R. K. Sherk. Cambridge etc., 1984. P. 1-2.

24, 3-4). Да и сама судьба договора весьма примечательна. У Полибия приводятся достаточно детальные первоначальные условия договора, фиксирующие, что каждая из сторон должна получить в случае военного успеха (*Polyb.* XVIII, 38, 6-8). Но в содержании явно отсутствовали столь же детально оговоренные причины возможного разрыва договорных отношений или их изменения. Это создавало правовую предпосылку для манипуляции в интересах Рима. Политическая ситуация в регионе быстро менялась. Рим постоянно пересматривал и уточнял свои позиции, искал возможности изменить смысл содержания договора путем более подробного его прочтения. Это в свою очередь, вело к возникновению разногласий между бывшими союзниками.

Для утверждения своего авторитета в регионе в ход шли всевозможные дипломатические, политические приемы, включая нечто вроде сепаратных контактов. Римляне устанавливали отношения с отдельными островными государствами и городами. Правда, в этом они не были первопроходцами. Подобная схема союзнических отношений уже существовала на эллинистическом Востоке. И сам Рим имел аналогичную практику в Италии. Таковым стал договор с Метимной примерно 154 г. до н.э. о взаимопомощи на случай войны.¹³ Мы знаем, что римские легаты, выполняя этот договор, потребовали от Пруссия возмещения убытков, причиненных метимянам (*Polyb.* XXXIII, 13, 8).

Договор с Кибирой, входившей в состав малоазийского государства, состоявшего из четырех городских общин, предполагал военное сотрудничество и взаимную помощь.¹⁴ Сохранилась та часть документа, которая отражает техническую сторону договора. Здесь уже специально оговаривалась возможность добавлений или исключений из договора по взаимному согласию сторон. Таким образом, это было соглашение, на равных заключенное сторонами, одинаково заинтересованными друг в друге. Однажды зафиксированный договор мог варьироваться в зависимости от меняющейся ситуации, оставаясь при этом определенно союзническим. Только такой тип договора мог соответствовать бурной динамике тогдашней политической действительности.

По оговоренным в тексте условиям, договор предполагалось выгравировать на бронзовой таблице и поместить в храме Юпитера Капито-

¹³ *Ibid.* P. 32-33.

¹⁴ *Ibid.* P. 24-25.

лийского и в Кибире на базе статуи богини Ромы. Римляне вообще предпочитали изготавливать государственные документы на бронзовых и медных досках, тогда как в Греции в качестве материала использовались мраморные плиты.¹⁵

Разновидностью союзнических договоров можно считать договоры не о прямой военной поддержке, а о содействии, которое могло выражаться в неоказании помощи противникам любой их союзных сторон. Так, в договоре Рима и Астипалайи 105 г. до н.э. оговаривалось, что стороны не будут пропускать через свои территории врагов своих союзников и не будут оказывать им помочь ни оружием, ни деньгами, ни кораблями.¹⁶

По римской традиции договоры с Кибирой, Астипалайей, Метимной больше всего подходят к foedera aequa, равноправным договорам, заключавшимся с государствами, чей суверенитет признавался Римом.¹⁷ Они относятся к периоду, когда Рим искал варианты правового обоснования своего постоянного присутствия в регионе, которое на первом этапе казалось совершенно лишенным легитимной базы. Поэтому и приходилось маневрировать, заключая союзы на равных с отдельными городами, выбирая гибкие, приемлемые и даже желательные для союзной стороны варианты договорных отношений. Лишь со временем, после ряда широкомасштабных военных операций, римская дипломатия могла уверенно опираться на традиционное для эллинизма "право копья", на которое ссылались и эллинистические монархи, как на узаконивающий их действия и не подлежащий сомнению фактор (Polyb. XVIII, 51; Liv. XXXIII, App. Syr. 3).

С Антиохом III римляне пытались заключить договор по типу foedus aequum, хотя речь шла не о сотрудничестве, а скорее о разграничении сфер влияния. Если верить Полибию, нечто подобное было в практике договоров с Карфагеном (Polyb. III, 22-27).

По мнению Ф. Ф. Мартенса, foedera aequa иногда совершались и с противником, которого Рим не в силах был победить.¹⁸ Антиох III не мог

¹⁵ История дипломатии. / Под ред. В. А. Зорина и др. Москва, 1959. Т. I. С. 65.

¹⁶ Rome and the Greek East... P. 56-58.

¹⁷ Бартошек М. Указ. соч. С. 135.

¹⁸ Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. С. 51.

согласиться на условия римлян, но одновременно не хотел терять те преимущества, которые предполагала дружба с Римом, и потому вынужден был маневрировать.¹⁹ Но никакое маневрирование не может заменить четких договорных отношений. Как известно, позже договор все-таки был заключен, но носил уже совершенно иной характер.

Традиция отношения к договорам как к священным актам волеизъявления государств одинаково ясно прослеживается и в Риме, и на эллинистическом Востоке. Когда-то в древнем Риме заключение договоров было прерогативой фециалов. В Греции существовали специальные должности (*kerykes*), связанные с культом посланника богов Гермеса. Они занимались внешнеполитической деятельностью и обладали чем-то вроде дипломатического иммунитета.²⁰

В эллинистических государствах в роли послов часто выступали добровольно вызвавшиеся уважаемые граждане или, если речь идет о монархии, назначенные царем сановники. В Риме заключение договоров поручалось магистратам или легатам, причем под свою ответственность.²¹ Состав посольств утверждался сенатским постановлением.²² Это вносило новизну в дипломатический этикет Востока. Осознавая себя частью великого народа, послы часто вели себя на равных с эллинистическими владыками, и уже одно это придавало заключенным договорам весьма своеобразный характер. К числу замечательных можно отнести факт дерзкого поведения Гая Поппилия Лената. Он заставил Антиоха IV дать ответ на требования сената, не выходя из круга, очерченного вокруг царя палкой (Polyb. XXIX, 27; Liv. XLV, 12, 4-6). Марк Эмилий Лепид, исполняя решение сената, пригрозил Филиппу V судом за обиды, причиненные Атталу и родосцам (Polyb. XVI, 34, 4-5). Видимо, римляне восприняли действия царя как нарушение договора. О каком суде шла речь, трудно сказать. Мы знаем о суде рекуператоров, разбиравших дела о возмещении ущерба на основе международных договоров.²³ Его иногда соотносят с третейским судом.²⁴ Однако этот суд скорее находил применение лишь в отношениях с итальянскими общинами. В нашем случае речь может идти о неком

¹⁹ Gruen E. The Hellenistic world and the coming of Rome. Berkeley etc., 1984. Vol. II. P.617.

²⁰ Adcock F., Mosley D.J. Op. cit. P. 153.

²¹ Бартшек М. Указ. соч. С. 135.

²² История дипломатии. Т.1. С. 63.

²³ Бартшек М. Указ. соч. С. 270.

²⁴ История дипломатии. Т.1. С. 62.

подобии третейского суда в составе представителей сената и обиженных сторон. Интересен сам факт угрозы судом монарху за нарушение договорных условий.

Рим интересовали все сферы жизни и политики региона. И, как следствие, от его внимания не могла ускользнуть проблема правового регулирования морских коммуникаций. Собственно говоря, Рим и оказался то на Востоке в силу желания поставить под свой контроль весь бассейн Средиземного Моря. В связи с этим следует отметить, что преступления, совершаемые в открытом море, в то время представляли уже отдельную категорию. Так, проблема пиратства была настолько актуальным злом, что эллинистическое общество созрело даже до принятия законов по борьбе с ним. Известны две надписи, содержащие или разные или один и тот же закон. Одна помещена на трех мраморных блоках от монумента в Дельфах, посвященного Л. Эмилию Павлу. Вторая надпись из Книд была начертана в пять столбцов слева направо на трех известняковых блоках, расположенных рядом. Проблема идентичности содержания надписей до сих пор составляет предмет научных споров, поэтому трудно сказать: был ли это один закон или два похожих.²⁵

Суть данного закона или законов в следующем: после окончательного поражения Селевкидов при Магнезии в 189 г. до н.э. Малая Азия и большая часть Киликии вышли из под их контроля и стали базами пиратов. Защищенные горами от нападения с севера, они свободно хозяйничали в восточном Средиземноморье. Рим не препятствовал им. Вплоть до конца II в. до н.э. существовала полная экспансия пиратов, пока наконец Рим не предпринял активные действия. Первые указания на эти действия и содержатся в данных законах (законе) и касаются миссии Марка Антония. Однако, как мы знаем, и после этого угроза со стороны пиратов сохранялась вплоть до компании, проведенной Помпеем в 67 г. до н.э., когда пираты были действительно поставлены под контроль.²⁶

Полибий рассказывает о том, что иллирияне постоянно занимались нападениями на торговых людей Италии. При этом грабежи сопровождались убийствами или захватом в плен (Polyb. II. 8. 1-3). Причем на протесты

²⁵ Rome and the Greek East P. 59-66.

²⁶ Ibid. P. 64.

римских послов иллирийская царица Тевта ответила, что у царей Иллирии не в обычай мешать кому бы то ни было в приобретении себе добычи на море. (*Polyb.* II. 8. 8-9). Однако создать действенную правовую базу для борьбы с пиратством было весьма проблематично. Дж. Габерт, проводя анализ документов, указывает на сложность конкретного определения роли пиратов в жизни тогдашнего общества. Так, явно один и тот же человек может фигурировать в источниках и как пират, и как наемник (высший офицер в армии Антигона), и даже как официальный городской советник.²⁷ Как отмечает В. Тарн, пиратство было хуже бандитизма и лучше организовано. В борьбе с пиратами цари не оказывали никакой помощи, наоборот, часто были в дружественных отношениях с предводителями пиратов, в которых находили своих союзников.²⁸ Правды ради следует признать, что периодически все-таки предпринимались попытки решить проблему в региональном масштабе, на что указывают и выше упомянутые авторы. Так, еще Перикл, вынашивая идею всегреческого конгресса, считал, что наряду с другими вопросами он должен решить также, "чтобы все могли плавать, не опасаясь нападения, и чтобы между всеми греками был мир". Свобода плавания была установлена в договоре с Филиппом Македонским (338 г.) и подтверждена в договоре с Александром Великим (336 г.). Вместе с тем считалось, что плавание вдоль берегов, а тем более заход в иностранные порты подчинены контролю со стороны прибрежного государства.²⁹ Но, как мы видели на примере с Иллирией, это не всегда гарантировало безопасность.

Активное вмешательство Рима в политическую жизнь Восточного Средиземноморья сказалось двояко. С одной стороны, Риму, безусловно, удалось навести хотя бы относительный порядок на морских коммуникациях, тем более, что Средиземное море стало внутренним имперским морем. С другой стороны, как справедливо отмечает Х. Нойкирхен, именно вмешательство Рима в греческие дела привело к тому, что пиратство стало фактически формой выражения социального и политического протesta против римского господства. Жители разоренных греческих городов охотно шли к пиратам, яростно сопротивлявшимся росту римского владычества.³⁰

²⁷ Gabbert J. J. *The Greek hegemony of Antigonus II Gonatus (г. 283-239 B.C.)*. Cincinnati, 1988. P.231.

²⁸ Тарн В. Эллинистическая цивилизация. Москва, 1949. С. 100-101.

²⁹ Баскин Ю. Я., Фельдман Д. И. История международного права. Москва, 1990. С.27.

³⁰ Нойкирхен Х. Пираты. Морской разбой на всех морях. Москва, 1980. С. 41.

Рим не только стал еще одним претендентом на звание властителя морей. С момента появления в Восточном Средиземноморье он вел себя буквально как диктатор. Используя как главный правовой аргумент мощь своей военной машины, Рим сумел навязать всем эллинистическим государствам по очереди договоры, которые в конечном счете определили новый политический режим в том числе и моря, гарантом которого теперь единолично он сам и выступал. Так, подданные Тевты и вообще все эллины не могли теперь переходить за Лисс более как с двумя судами, и то безоружными (*Polyb.* II. 12. 3- 4). Селевкиды теряли по Апамейскому мирному договору все европейские территории и азиатские вплоть до Тавра. Границей государства Селевкидов определялись два мыса Каликадион и Сарпедонион, за эти границы заплывать не следовало. Антиох терял весь военный флот, за исключением десяти легких судов (*Polyb.* XXI. 45-48; *Liv.* XXXVIII. 38-39). Рим фактически лишил Родос положения главного перевалочного и торгового пункта Восточного Средиземноморья, основав на Делосе свободный от пошлин порт. Правда, подобный диктат не всегда принимался безоговорочно. Полибий приводит примеры нарушения эллинами обозначенных Римом морских границ (*Polyb.* III. 16. 3- 4; IV. 16. 6-7).

Тем не менее, нельзя считать, что правовое поле изменилось односторонне в пользу Рима. Римляне, как они это умели делать, восприняли вместе с политической и дипломатической культурой эллинизма и основы цивилизованной правовой практики, что безусловно в последующем отразилось на формировании римского имперского морского права. Это, в свою очередь, со временем сказалось на становлении аналогичных европейских правовых институтов, что указывает на важность и необходимость исследования обозначенной темы.

В целом право довольно активно и откровенно эксплуатировалось при реализации захватнических планов Рима на востоке Средиземноморья.

Отметим, что именно в ходе активного взаимодействия римской и традиционной эллинской правовых традиций и намечаются те основные тенденции развития права, которые определили в последующем "лицо" римского имперского, а затем и европейского права. Отсюда ясна необходимость дальнейшего основательного изучения обозначенных проблем, чему в немалой степени может способствовать использование историко-правовой методологии, которая могла бы обогатить чисто исторические исследования, обозначенные в данной работе.

*Мр Митина Светлана Игоревна
Доцент Правног факултета у Новгороду, Русија*

ОДНОС РИМА И ХЕЛЕНИСТИЧКИХ ДРЖАВА ПРАВНИ АСПЕКТ

Резиме

Проблем природе и правне основе односа између Рима и хеленистичких држава подразумева разматрање два проблема: промену става римске праксе међународних дијалога у хеленистичкој епохи, као и природу правних институција на основу којих је дијалог пројектован.

Постепено укључивање Римске државе почев од III века п.н.е. у главне токове политике Источног Медитерана водило је поновном разматрању улоге, задатака и механизама правне регулативе глобалног односа према хеленистичким државама.

Примери међусобних правних односа Римске државе са хеленистички оријентисаним Истоком огледају се у потписивању уговора, преузимању улоге арбитражног судије од стране Рима у споровима хеленистичких држава, као и настојању Рима да утемељи правила у области поморског права.

Неке индиције указују на то да је Рим користио методе и терминологију хеленистичке дипломатије. С друге стране, однос између Рима и хеленистичких држава садржи велики број примера промене хеленистичке правне праксе под утицајем Рима.

Нова терминологија, дипломатска средства и методе имали су широку примену у Римској држави која је покушавала да своје нове парт-

Нова терминологија, дипломатска средства и методе имали су широку примену у Римској држави која је покушавала да своје партнere у спољној политици приволи на њихову примену. Повремено су правне норме источно-медитеранских држава садржале назнаку "пријатељ и савезник римског народа". Тиме је Рим новоосвојеним земљама оперативно приодобавао и своју дипломатску праксу, засновану на принципима међународног права који су или били у процесу формирања или су већ постојали.

Рим је стално мењао своје позиције у области правних односа, покушавајући да нађе прилику за промену основних начела већ потписаних споразума, и користио религију за легитимизацију свог утицаја у региону.

Активно укључивање Рима у политички живот региона Источног Медитерана имало је двоструки ефекат. Наравно, Рим је био у прилици да успостави неки ред на мору, у области поморског права, и врши улогу "светског судије". Међутим, ово мешицање у животу држава Источног Медитерана проузроковало је многе проблеме унутар региона, различите облике политичких и социјалних протеста против доминације Рима. Користећи снагу своје ратне машинерије као главни правни аргумент, Рим је био у стању да принуди све хеленистичке државе на потписивање разних споразума, који су у крајњој инстанци одређивали нову државну политику на копну и на мору где је Римска држава имала водећу улогу.

Погрешно је, међутим, мислити да је само Рим имао користи од ново-настале ситуације. Римски народ је од Хелена преузео основе правне праксе заједно са дипломатском и политичком културом Хеленизма, што је дефинитивно утицало на даљи развој римског права. Због тога је неопходно и оправдано научно истраживање ових тема, чему је посвећен и овај рад.

ПРЕДЛЕДНИ ЧЛАНЦИ

